В.Э. Борисов-Мусатов.
Прогулка при закате

Георгий Велигорский*

Синонимические ряды «усадьба — поместье — имение» и “manor — estate — mansion”: попытка сопоставительного анализа (историко-литературный контекст)**

В статье рассматривается история английских терминов “manor”, “estate” и “mansion”, характерных для английского усадебного топоса, и проводится их сближение с русскими понятиями «имение», «поместье» и «усадьба», а также инвариантом последнего — «усадебный дом».

The article examines the history of the English terms “manor”, “estate” and “mansion”, characteristic of the English manor topos, and brings them closer to the Russian concepts of “usad’ba“, “imeniye” and “pomest’ye”, as well as the invariant of the latter — “usadebnyy dom”.

Ключевые слова: усадьба, поместье, усадебный дом, имение

Keywords: usad’ba, pomest’ye, usadebnyy dom, imeniye

Данная статья является еще одним шагом на пути сближения русского и английского усадебного тезауруса (на предыдущем мы соотносили термины “farm — farmstead — grange” с русскими понятиями «ферма — хутор — мыза»; см.: [2]). На этот раз мы попробуем сопоставить термины “estate”, “mansion” и “manor” а также вариацию последнего — “manor house” с их русскими аналогами («имение», «усадьба», «поместье», «усадебный дом») и проследить тонкие различия между ними на нескольких уровнях — историческом, метафорическом, символическом.

Исторически и “manor”, и “mansion” являются производными от глагола “manere” (*лат.* — «оставаться где-либо», «селиться»); от него же произошли и сходные европейские существительные — *фр.* “maison”, *ит.* “magione” и т. п.

В английский язык это слово пришло из латинского перевода Библии (Вульгаты), где образованное от него существительное “mansion” фигурирует в двух значениях: первое из них — «стан (а также, иносказательно, — народ) Израилев»: «И двинулось всё общество сынов Израилевых из пустыни Син в путь свой, по повелению Господню, и расположилось станом [per mansionem] в Рефидиме <...> (Исх. 17: 1); «<...> ибо облако Господне стояло над скиниею днем, и огонь был ночью в ней пред глазами всего дома [mansiones] Израилева во всё путешествие их» (Исх. 40: 38); второе — Обитель Божья, Царство Небесное. Только второе сохранилось в Библии короля Якова — первом переводе Святого Писания на английский язык: “In domo Patris mei mansiones multæ sunt <...>” — “In my Father’s house are many Mansions <...>” — «В доме Отца моего обителей много <...>» (Ин. 14: 2), – и проникло в его лексику, обретя прочную связь с темой божественного и богатый метафорический контекст.

Согласно «Оксфордскому словарю...» (“Oxford English Dictionary”), в английском языке слово “mansion” быто-

* Кандидат филологических наук, научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

** Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129).

© Любое распространение материалов журнала, в т.ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.

вало в устной речи еще в XIII в., однако первая его письменная фиксация (как глагол со значением «поселяться») датируется 1340 годом. Образованное от этого глагола существительное встречается несколько позже, в знаменитой аллегорической поэме Уильяма Лэнгленда (1332–1386) «Виде́ние о Петре-пахаре» (“The Vision of Peter Ploughman”; 1377):

And pryde in ricchesse regneth rather þan in pouerte,	И гордость властна над богатством более, чем над бедностью,
Arst in þe Maister þan in þe man some *mansioun*[1] he hath [15, 247].	И скорее в богатом, чем в бедном, находит она *дом*.

Как видим, “mansioun” [*sic*!] здесь употреблено в значении «дом», но имеет метафорическую окраску: «дом = душа человека» (об этом мы будем еще подробно говорить далее в наст. статье).

В других сочинениях того времени существительное “mansion” фигурирует в буквальном значении — к примеру, в «Кентерберийских рассказах» (“The Canterbury Tales”; 1392) Джефри Чосера (1343–1400): “The grete temple of Mars in Trace / Ther as Mars hath his souereyn mansion” — «В краю фракийском, хладном, ледяном, / Где, как известно, Марсов главный дом» (*пер. И.А. Кашкина*).

В XVI в. коннотации расширяются: начинает обозначать не просто дом, но бога-тую резиденцию, «владения лорда» — или, попросту говоря, усадьбу. Ср. его употребление в хронике землевладельца Роберта Фабиана (ок. 1450–1513) за 1512 г.: «Если случится мне опочить смертным сном в усадьбе [mansion] моей, именуемой Халстедис <...>» [19, 500].

Впоследствии у слова “mansion” возникают новые метафорические коннотации; «пик» их приходится на XVII век — время елизаветинских драматургов, поэтов-метафизиков и зарождения барочного стиля, в котором многие, даже самые нейтральные, слова приобретали дополнительные смыслы.

Так, в трактате Фрэнсиса Бэкона (1561–1626) «О достоинстве и приумножении наук» (“The Advancement of Learning”; 1605) “mansion” выступает в значении «твердь»: “That the solidness of the earth is for the station and mansion of living creatures” — «<...> земля уплотнена и тверда для того, чтобы живые существа имели возможность ходить по ней и стоять на ней» [1, 229]. Во многих произведениях “mansion” сближается с русским понятием «вместилище» (ср., напр., у Шекспира в пьесе «Цимбелин» (“Cymbeline”; опубл. 1623), слова Имогены: «Рази приют [mansion] любви невинный — сердце» (Акт III, сц. 4. *Пер. П.В. Мелковой*)), через него метонимически соотносится с телом человека, «сосудом скудельным» (ср.: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом [erthy mancion wherin we now dwell], эта хижина, разрушится, мы имеем от бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор. 5: 1)) — и, наконец, с гробом. Яркий пример такого употребления “mansion” встречаем в пьесе Шекспира «Тимон Афинский» (“The Life of Timon of Athens”; 1607):

Не приходите больше, но скажите
Афинянам, что вечное жилище (Mansion)
Воздвиг себе Тимон на берегу,
Который каждый день прилив соленый,
Шумя и пенясь, кроет.
Акт V, сц. 1. *Пер. П.В. Мелковой*

Ср. также строки из стихотворения Джона Дэнема (1615–1669) «На смерть мистера Эйбрехама Коули и его погребение среди поэтов древности» (“On Mr. Abraham Cowley his Death and Burial amongst the Ancient Poets”; 1667): “These poets near our Princes sleep, / And in one grave their *mansion* keep” – «Поэты те почиют рядом с нашей принцессой, / И в одной могиле обрели они *пристанище*».

Выше мы упоминали трактовку “mansion” как «Господней обители», восходящее к переводу строки из Евангелия от Иоанна; в XVII веке к нему прибавляется и прямо противоположное значение: “mansion” как «земли ада». В этом смысле оно фигурирует, например, в «Оде на утро Рождества Христова» (“On the Morning of Christ’s Nativity”; 1629; опубл. 1645) Джона Милтона (1608–1674): «<...> свет из тьмы глухой / Исторгнется как в оны дни, / И ад отдаст ему *владения* [mansions] свои» (*пер. Т.Ю. Стамовой*). Ср. также в переводе «Георгик» Вергилия, осуществленном в 1697 г. Джоном Драйденом (1631–1700): “Th’ Infernal *Mansions* nodding seem to dance” — «Адские *поместья* клонятся

[1] Здесь и далее курсив в цитатах везде наш.

⦿ Любое распространение материалов журнала, в т.ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.

[перед тем как рухнуть], будто в фигуре танца» (ср.: «<...> поражен и чертог, и Смерти обитель» (*пер. С.А. Ошерова*)).

В поэзии английского сентиментализма “mansion”, употребляемое в буквальном значении, приобретает еще один оттенок — «*уединенный* дом» (но, в отличие от “grange” или “farm”, без сопутствующего хозяйства), а также коннотацию гостеприимства и связанного с ней представление о покое, спасении (ср.: «укрытие», «кров»). В этом значении оно встречается, напр., в поэме Оливера Голдсмита (1730–1774) «Покинутая деревня» (“The Deserted Village”; 1770):

У зарослей, где цвел когда-то сад,
Где, одичав, досель цветы пестрят,
Там, где следы от вырытых кустов,
Стоял священника укромный кров [5, 44].

Еще один пример такого употребления обнаруживаем в балладе Голдсмита «Эдвин и Анжелина» (“Edwin and Angelina”; 1765). В 1813 г. ее перевел на русский язык В.А. Жуковский (сохранились и наброски перевода поэмы “Deserted Village” (под заглавием «Опустевшая деревня»), работу над которым поэт начал в 1805 г., но так и оставил незавершенным): “Far in a wilderness obscure / The lonely *mansion* lay” — «В дичи глухой, непроходимой / Его таился *кров*...» [6, 21].

В XIX в. в творчестве поэтов-романтиков “mansion” получает новое, иносказательное, значение — «чертог», «палаты» (для обозначения человеческого ума), – к примеру, у Уильяма Вордсворта (1770–1850) в «Тинтернском аббатстве» (“Tintern Abbey”; 1798) (“<...> when thy mind / Shall be a *mansion* for all lovely forms” — «<...> и ум / все облики прекрасного *вместит*»; *пер. В.В. Рогова*) или у Чарлза Лэма (1775–1834) в «Очерках Элии» (“Essays of Elia”; 1830), в эссе «Школьный учитель прежде и теперь» (“The Old and The New Schoolmaster”) «Не то чтобы я был привержен к невежеству; но в голове моей не так уж много палат [mansions], и она невместительна» [8, 55].

Важно отметить, что в очерках Лэма слово “mansion” встречается многократно, в том числе и в значении «усадьба», почти неизменно в таком случае приобретая коннотацию «старый»: «Он <...> владел прекрасным старинным поместьем [old mansion] близ Уэра» («Тихооке-

Х. Аллингем (Helen Allingham; 1848–1926). Старый усадебный дом (Old Manor House). Конец XIX в. Акварель, бумага. Частная коллекция (Великобритания)

анский торговый дом» [8, 10]); «<...> она обошла все усадебные [old mansion] пристройки, до дровяного сарая и плодового сада, дотуда, где стояла некогда голубятня <...>, и узнавала всё это, задыхаясь от нетерпения <...>» («Мэкери-Энд в Хертфордшире» [8, 83]). Таким образом, прослеживается связь с «былым», «минувшим», столь характерная для русской усадебной литературы.

В XIX в. значение “mansion” в очередной раз трансформируется. Если в хронике историка Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859) этим словом именуется большая усадьба-замок (Weems Castle), то в монодии Мэтью Арнольда (1822–1888) «Тирсис» (“Thyrsis”), написанной в декабре 1865 г. и посвященной памяти его друга, поэта Хью Артура Кло, им обозначается значительно меньшее по размеру здание, расположенное в ряду других на деревенской улице: “The village street its haunted mansion lacks...” — «Осиротела деревенская улица, нет больше на ней опустевшего дома».

Наравне с тем в викторианскую эпоху появляются и другие, довольно неожиданные, значения слова “mansion”. В «Вестнике Дублинского университета» (“Dublin University Magazine”) за 1865 г. читаем: «Хлопотливая владелица “mansion” — так в Брайтоне назы-

⊙ Любое распространение материалов журнала, в т.ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.

Х. Аллингем (Helen Allingham; 1848–1926). Усадебный дом (Manor House). Ок. 1890. Акварель, бумага. Частная коллекция (Великобритания)

вают меблированные комнаты» (Вып. 1. С. 24). В 1876 г. впервые фиксируется значение «многоквартирный дом» — в романе Энтони Троллопа (1815–1882) «Премьер-министр» («The Prime Minister»; 1876), где упоминаются «Белгрейв Мэншнз» (Belgrave Mansions) в фешенебельном районе Пимлико. Именно оно главным образом и сохранится в литературе XX в. (ср., напр., квартиры «Победа» (Victory Mansions) в романе Дж. Оруэлла «1984»), впрочем, наравне со значением «большой, внушительный дом» (вспомним роман Уильяма Фолкнера «Особняк» («Mansion»; 1959).

Слово “manor” более древнее, нежели “mansion”. Первое употребление, со значением «господский дом и земля, к нему прилегающая», «Оксфордский словарь...» датирует 1292 г.: оно встречается в первом своде английских законов, написанном на французском языке и более известном как «Бриттон» (“Britton”), а также в сборнике «Предания Южной Англии» (“South-English Legendary”), в житии Томаса Беккета (Фомы Кентерберийского), со значением «дворец короля»: Генрих II велит всем епископам «сей же день, без отлагательств, явиться в мой дворец в Кларендоне <...>» (“<...> ich hote ov euerechone, þat ȝe beon þat ilke dai / At mi *maner* at Clarindone” [20, 121]). Чуть позже в том же ключе оно появляется у Лэнгленда в «Петре-пахаре»: “Ac now is religioun a ryder, a rowmer bi stretes, / <...> / A priker on a palfray from manere to manere” (Pass. X, ls 306, 308) — «Ведь религия в наши дни — бродяга, скиталец по улицам, / <...> / Всадник на лошади, что скачет от усадьбы к усадьбе» [15, 158].

Примерно тогда же оно приобретает (значительно раньше, чем “mansion”) коннотацию «кров», с которой фигурирует в духовной литературе, рассказах паломников, в аллегорических сочинениях — к примеру, всё в том же «Петре-пахаре»: “Þe Mot is of Merci þe maner al abouten, / And alle þe walles beþ of wit to holde wil þeroute” (Pass. VI, ln 77) — «Ров из Милосердия окружает поместье, / И все стены его [сложены] из ума, чтоб удерживать своеволие снаружи» [15, 71].

Начиная с XVI в. слово “manor” (в отличие от “mansion”) начинает использоваться как юридический термин (в частности, от него происходит понятие «поместное (феодальное) право» — manorial right). При этом оно продолжает употребляться применительно к «господским домам» самых разных размеров — и исподволь получает метафорическую окраску. Так, у Томаса Мэлори (ок. 1450–1471) в романе «Смерть Артура» (“Le Morte d’Arthur”; опубл. 1485) словом “manor” именуется Камелот, замок короля Артура; ср. слова сэра Ланселота, обращенные к рыцарю Гахерису: «А когда вы войдете вон в тот замок [manayr], там, сдается мне, найдете вы многих рыцарей Круглого Стола <...>» [9, 176]. (При этом не следует забывать, что Камелот воплощает собой не только идеальный замок, но земной образ Небесного Иерусалима, — мотив, акцентированный Альфредом Теннисоном (1809–1882) в цикле «Королевские идиллии» (“Idylls of the King”; 1859–1885).)

Основным отличием “mansion” от “manor” является то, что последнее обозначает не только дом, но и прилегающие к нему земли. На

⦿ Любое распространение материалов журнала, в т.ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.

это, в частности, указывает составная форма “manor-house” («усадебный дом»), а также другие многочисленные производные: “manor-farm”, “manor-hall”, “manor-pew”, “manor-yard” (соответственно: «хутор», «зал», «скамья», «двор»).

Отдельный интерес в анализируемом нами ряду представляет существительное “estate”. Будучи древнейшим из рассматриваемых терминов (восходит к латинскому “status” — «состояние»; первое употребление — 1225 г.), оно одновременно является и самым молодым: значение «собственность» это слово получит лишь во второй половине XVI в., тогда как первое употребление применительно к земельным участкам (поля, угодья, чайные плантации, виноградник) относится к концу XVIII в. (1760–1772 гг.).

Вероятно, именно поэтому в его значении и до наших дней сохраняется выраженный экономический подтекст: акцент на обладании собственностью, на купле-продаже и проч. Оно богато метафорическими коннотациями (не в последнюю очередь библейскими: в Библии короля Якова насчитывается 18 вхождений слова “estate”) — но ни одна из них не связано напрямую с усадебным текстом.

* * *

В России лексемы «усадьба», «поместье» и «имение» применительно к господскому дому проникают в словари значительно позднее, чем в Англии. В первом академическом лексиконе Российской Империи — «Словаре Академии Российской» (в 6 ч.; 1792–1794) — из этой триады встречается лишь слово «усадьба», как производное от корня «сад» со значением «дом господской с прочим принадлежащим строением в деревне или селе» (ч. 5, стлб. 324).

«Имение» также фигурирует в «Словаре...», однако лишь с дефиницией «пожитки, достаток, имущество, стяжание; состоящее в деньгах, в вещах, в землях и проч.» (ч. 3, стлб. 294) — ср. аналогичную историческую трактовку существительного “estate” чуть ранее в наст. статье. А вот слово «поместье» в «Словаре...» не фиксируется (есть лишь словарная статья «помещик») и попадает в лексиконы значительно позже, хотя в письменных источниках встречается с середины XVI века (см.: [3, 36]).

Проникновение его в русский язык, согласно историку и юристу К.А. Неволину (1806–1855), связано с влиянием византийского права (см.: [3, 36]; вспомним аналогичные «правовые истоки» английского существительного “manor”).

Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» (в 4 т.; 1861–1863) В.И. Даля, усадьба — «господский дом на селе, со всеми ухожами, садом, огородом и проч.»; здесь же впервые встречается важное указание на его обособленность: «отдельное, одиночное поселенье, однодворок». Акцент «отдельности», «обособленности» усадьбы сохраняется в словарях Ушакова (1934–1940) («*отдельное* поселение, дом на селе со всеми примыкающими к нему строениями, службами и угодьями <...>, в старину преим. господский, помещичий») и Ожегова (1949) («*отдельный* дом с примыкающими к нему строениями, угодьями»), но утрачивается в словаре Ефремовой (2000) («жилой дом на селе, хозяйственные постройки и прилегающие к ним угодья как единое целое»).

Проанализировав ряд произведений русской классики XIX в. в переложениях на английский язык, мы проследили в них определенные переводческие тенденции. Так, словосочетание «господский дом» (нередко с уточнением: «большой», «просторный») в переводах наиболее часто передается английским “mansion”: «Эй, борода! а как проехать отсюда к Плюшкину, так, чтоб не мимо *господского дома*?» [4, 102] — “Hi! <...> How can I reach landowner Plushkin’s place without first going past the *mansion* here?” [14, 106]; «Громадный головлёвский *дом* словно оживал в такие вечера» [10, 106] — “On such evenings the enormous Golovliovo *mansion* became animated” [17, 167]. В то же время, им может обозначаться и многоквартирная постройка (“the outlines of six-storied mansions” [14, 200] — «углы шестиэтажных [городских] домов» [4, 227]). Существительное “manor” обычно обозначает усадьбу (дом + владения): “Thrashing was also going on in the manorial barns <...>” [17, 64] — «В барских ригах тоже шла молотьба <...>» [10, 47]. Для обозначения собственно дома (и прилегающего к нему двора) зачастую вводится уточнение “house”: “The Pogorelka *manor-house* was now steeped in a forlorn quiet” [17, 150] — «С отъездом сирот погорелковский *дом* окунулся в какую-то безнадежную тишину» [10, 95]; “In the meantime

⦿ Любое распространение материалов журнала, в т.ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.

open debauchery made its nest in the *manor-house*" [17, 346] — «А в *барском дворе* между тем шла ежедневная открытая гульба» [10, 214].

В научных переводах и монографиях середины XX в. для перевода всех трех русских терминов наиболее часто используется слово "estate". К примеру, заголовок стихотворения Н.С. Гумилева «Старые усадьбы» (1913) в единственном существующем переводе передан как "Old Estates" (см.: [18, 100–101]).

Характерно и то, что Д. Сэмпсон, автор единственной существующей на данный момент англоязычной монографии о жизни и творчестве Гумилева, систематически именует усадьбу Гумилевых в с. Слепнёво словом "estate"; см.: [18, 23]. Впрочем, это правило не абсолютно. К примеру, в выполненном Д. Сэмпсоном подстрочном переводе гумилевского стихотворения «Старина» (англ. пер. — "Olden Times") «дом старинный и некрашеный» именуется "manor house" (см.: [18, 101]); ср. также перевод стихотворения И.А. Бунина «Мы сели у печки в прихожей...» (1917), опубликованный в антологии 1961 г.: «В старинном заброшенном *доме*...» — «In an old neglected *mansion*...»; см.: [16, 54].

Однако наиболее выраженная переводческая тенденция прослеживается в передаче существительного «имение» английским словом "estate" (для обоих, напомним, характерен акцент на экономической составляющей)[2]. Особенно ярко она видна в сборнике «От Карамзина до Бунина: антология русского рассказа», подготовленном в 1969 г. магистром искусствоведения, профессором Карлом Р. Профером. Ср. в переводе рассказа А.П. Чехова «Крыжовник» (1898; англ. пер. — "Gooseberries"): «<...> выслужив офицерский чин, оставил нам потомственное дворянство и *именьишко*» [12, 57] – "<...> he earned an officer's rank and left us heridatary nobility and a *small estate*" [13, 337]; «Он чертил план своего *имения* <...>» [12, 59] — "He would draw the plan of his *estate* <...>" [13, 338]; «<...> по одну сторону *имения* кирпичный завод, а по другую — костопальный» [12, 60] — «<...> on the one side of the *estate* there was a brickyard and on the other a glue factory» [13, 339]; в рассказе «Анна на шее» (1895; англ. пер. — "Anna on the Neck"): «У него в банке тысяч сто и есть родовое *имение*, которое он отдает в аренду» [11, 163] — "He had one hundred thousand in the bank and a hereditary *estate* which he leased" [13, 349]. Во всей антологии слово "manor" не встречается ни разу, а "mansion" — всего единожды, в переводе рассказа А.И. Куприна «Гранатовый браслет» (1910; англ. пер. — "The Garnet Bracelet"): "<...> he would feel terribly lonely and melancholy in the large rooms of the governor's *mansion*" [13, 414] — «<...> он искренно тосковал и не находил себе места в больших комнатах комендантского *дома*» [7, 444]. И в следующем же предложении опять «имение» передано словом "estate": "Every summer he would take his leave and spend the whole month at the Teganovsky *estate*" [13, 414–415] – «Каждое лето он брал отпуск и проводил целый месяц в *имении* Тугановских, Егоровском, отстоявшем от К. на пятьдесят верст» [7, 444].

* * *

Подведем итоги. Как видим, все три рассматриваемых нами понятия имеют значение: «большой (нередко дворянский) дом в деревенской местности и окружающая его земля»; однако лишь "manor" и "estate" наравне с этим включают коннотацию «надел земли, обычно во владении дворянина, включающий земли владельца, а также сдаваемый внаем». С течением веков значения этих слов уточнялись, обрастая новыми оттенками смысла, которые выявлены в наст. статье.

Существительное "mansion" заключает в себе целый спектр коннотаций, «полифонически» перекликающихся с усадебным текстом. Гостеприимный кров и скит отшельника, вместилище дум и воспоминаний, адские чертоги и райский сад, наконец — последнее пристанище, гроб.

Для него характерен акцент на отдельно стоящем доме («особняк»), без прилегающих к нему владений. Английское "manor", напротив, предполагает прилегающие к дому угодья и может обозначать дом — что, впрочем, обычно акцентируется введением уточняющего «пост-

[2] См. тезисы доклада С.В. Сапожкова (МПГУ) «"Усадьба — имение — поместье" в тезаурусе А.П. Чехова», прочитанного 26 декабря 2018 г. в санатории «Узкое», где прошел выездной семинар «Проблемы тезауруса «усадебных» исследований в российском и зарубежном литературоведении — 2».

⦿ Любое распространение материалов журнала, в т.ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.

фикса» (“manor-house”, “manor-farm” и т. п.). В этой связи наиболее адекватным ему русским эквивалентом справедливо назвать «поместье»; тогда как в случае “estate”, с его очевидным акцентом на экономическом, собственническом аспекте, наиболее подходящим русским аналогом оказывается русское «имение».

Литература

1. *Бэкон Фр.* Сочинения: в 2 т. Изд. 2-е, доп. и испр. / Сост., общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина; пер. с англ. Н.А. Федорова; пер. предисл. и посвящения к «Великому восстановлению наук» Я.М. Боровского. — М.: Мысль, 1977. (Сер. «Философское наследие»). Т. 1. — 567 с.

2. *Велигорский Г.А.* Синонимические ряды «ферма — хутор — мыза» и «farm — farmstead — grange»: попытка сопоставительного анализа (историко-литературный контекст) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 11(827). — С. 156–177.

3. *Галеев Т.*, *Мифтахова А.* Нетитульные сословные наименования в русском языке // Филология и культура. 2018. № 1(51). — С. 35–41.

4. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. — М.: Наука: ИМЛИ РАН, 1999–2012 (издание продолжается). Т. 7, кн. 1: Мертвые души. Том первый. — 809 с.

5. *Голдсмит О.* Покинутая деревня / Пер. с англ. А. Парина // Избранное: Стихи. Векфилдский священник / Пер. с англ.; вступ. статья А. Ингер; примеч. Н. Мавлевич. — М.: Худож. лит., 1978. — 302 с.

6. *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Сост. и ред. Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жилякова. — М.: Языки славянских культур, 1999–2019 (издание продолжается). Т. 3: Баллады (2008). — 456 с.

7. *Куприн А.И.* Полн. собр. соч.: в 6 т. — М.: ГИХЛ, 1957–1958. Т. 4: Произведения 1905–1914 (1958). — 792 с.

8. *Лэм Ч.* Очерки Элии / Изд. подгот. К.А. Афанасьев, А.С. Бобович, Н.Я. Дьяконова, И.А. Лихачев, Н.Я. Рыкова. — Л.: Наука, 1979. (Сер. «Литературные памятники»). — 264 с.

9. *Мэлори Т.* Смерть Артура / Изд. подгот. И.М. Бернштейн, В.М. Жирмунский, А.Д. Михайлов, Б.И. Пуришев. — М.: Наука, 1974. (Сер. «Литературные памятники»). — 902 с.

10. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. (24 кн.). — М.: Худож. лит., 1965–1977. Т. 13: Господа Головлевы; Убежище Монрепо; Круглый год (1972). — 816 с.

11. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. — М.: Наука, 1974–1988. Соч.: в 18 т. Т. 9: 1894–1897 (1977). — 544 с.

12. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. — М.: Наука, 1974–1988. Соч.: в 18 т. Т. 10: 1898–1903 (1986). — 496 с.

13. From Karamzin to Bunin: An Anthology of Russian Short Stories / Ed. with a Critical Commantary and Eleven New Translations by Carl F. Proffer. — Bloomington (IN); L.: Indiana University Press, 1969. — 486 p.

14. *Gogol N.V.* Dead Souls / Transl. and with an Introd. by J. Cournos. — L.: J.M. Dent; N.Y.: E.P. Dutton, 1916. — 192 p.

15. *Langland W.* The vision of William concerning Piers the Plowman, together with Vita de Dowel, Dobet, et Dobest, secundum Wit et Resoun. –L.: Pub. for the Early English text society, by N. Trübner & C°, 1867. — 534 p.

16. Lyrics from the Russian / Transl. by G.F. Cunningham. — [S. u.]: Robert Cunningham & Sons, 1961. — 117 p.

17. *Saltykov M.Y.* (*N. Schedrin*). A Family of Noblemen / Transl. by A. Yarmolinsky. — N.Y.: Boni & Liveright, 1917. — 424 p.

18. *Sampton D.*, *Earl.* Nikolay Gumilev / Ed. by Ch. Moser. — Boston: Twayne Publishers, 1979. (Ser. “Twayne’s World Author Series: A Survey of the World Literature. Russia”). — 192 p.

19. Testamenta Vetusta: Illustrations from Wills, of Manners, Customs, etc., as well as of the Descents and Possessions of Many Distinguished Families from the Being of Henry the Second to the Accession of Queen Elizabeth: In 2 vol. / By Nicholas Harris Nicolas, Esq., Barrister at Law, Fellow of the Society of Antiquarians. — L.: Nichols & Son, MDCCCXXVI [1826]. — 488 p.

20. The Early South-English Legendary; or, Lives of Saints. I. Ms. Laud, 108, in the Bodleian library / Ed. by C. Horstmann. — L.: Published for the Early English text society by N. Trübner & C°, 1887. — 550 p.

⦿ Любое распространение материалов журнала, в т.ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.